

А. И. Рупасов

СССР и вынужденный отказ Финляндии от плана Маршалла

Всем без исключения государствам Севера Европы по окончании Второй мировой войны пришлось в первые послевоенные годы решать сложный комплекс проблем, связанных с определением своей внешнеполитической ориентации. Финляндия находилась в наиболее трудном положении, поскольку ее возможности для маневра были несопоставимы с возможностями ее соседей по региону. Однако признание скромности возможностей, а точнее, фактического отсутствия альтернативы, не делало процесс выработки политическим истеблишментом Финляндии консенсуса по названным проблемам коротким, — напротив, этот путь оказался продолжительным и извилистым. Вместе с тем нежелание сосуществовать с реальностью достаточно долго не становилось стимулом к выработке внешнеполитической стратегии, ориентированной на длительную перспективу. Это превращало внешнюю политику Финляндии в некую совокупность ситуативных реакций.

Говорить о том, что избранный в 1946 г. президентом Финляндии Ю. К. Паасикиви обладал способностями провидца, не приходится. В сфере международных отношений он был тактиком, но не стратегом, причем, скорее всего, сам осознавал это — в противном случае его дневники не претерпевали бы столь значительных стилистических и смысловых правок. Что характеризовало оценку президентом Паасикиви международного положения Финляндии? Крайний

***Рупасов Александр
Иванович***
доктор исторических
наук, ведущий
научный сотрудник,
Санкт-Петербургский
институт истории
Российской академии
наук
(Санкт-Петербург,
Россия)

пессимизм, который только усиливался от того, что финский народ, по его мнению, был «настолько глуп внешнеполитически»¹.

Среди близких Паасикиви людей был человек, к мнению которого он нередко прислушивался и который, по общему признанию, обладал исключительным политическим инстинктом, особенно проявлявшимся в моменты серьезных внешнеполитических перемен, когда проводимый им анализ ситуации оказывался удивительно точным, а выводы — предельно четко сформулированными. Этим человеком был Ээро Аарне Вуори. В сентябре 1945 г. он стал политическим представителем, а в 1947 г. — посланником Финляндии в Англии. В 1955 г. Вуори занял пост посланника (затем — посла) в СССР. В начале 1946 г. в своем письме Паасикиви он напишет, что, по его мнению, у Финляндии нет предпосылок для сближения со Скандинавией в силу подозрений со стороны Москвы, а попытка одновременного выстраивания отношений с СССР и Скандинавией будет напрасной и безрезультатной². (Как бы вторя ему, финский посланник в Москве Кай Сундстрём писал, что правительству при принятии решений следует не исходить из эмоциональных и исторических позиций, а принимать во внимание складывающуюся международную ситуацию, иначе говоря, быть реальными политиками³.) Англия и Франция, считал Вуори, не возвратят уже былого величия великих держав, в обозримой перспективе только США и Советский Союз будут обладать достаточными силами для новой войны, тогда как Европе будет отведена участь стать театром военных действий. Он считал, что великие державы не хотят развязывать новую войну, но защищать достигнутые стратегические позиции будут всеми имеющимися в их распоряжении средствами, а поэтому те сферы влияния, сферы интересов, которые стали результатом мировой войны, — сохранятся. Советский Союз не откажется от своего влияния в Финляндии, а складывание блоковой системы с неизбежностью станет препятствием для развития сотрудничества Финляндии со странами Скандинавии, при этом возможности западных держав оказывать поддержку Финляндии будут незначительными. Вуори не скрывал своего крайнего пессимизма в отношении возможностей проведения политики нейтралитета⁴.

Хотя Паасикиви и считал проведенный Вуори анализ международной ситуации излишне пессимистичным, однако в основном принимал его. События в мире делали надежды на сохранение нейтралитета зыбкими. Никто в Хельсинки не мог предложить решений, способных радикально изменить ситуацию для Финляндии. Однако Паасикиви не преуспел бы в свое время в сфере финансов, будь он лишен способностей сохранять хотя бы имеющееся. Иными словами, для него перемирие сентября 1944 г. было пределом отступления, отнюдь не исключаящим, но предполагающим необходимость тактического маневрирования в отношениях с восточным соседом, а временами — и контратак. Действительное отношение президента Финляндии к Советскому Союзу в Москве знали достаточно хорошо, однако от открытого признания факта отсутствия взаимных симпатий воздерживались довольно долго. Остается неизвестным, знал ли сам Паасикиви (до появления в советской прессе на рубеже 1949–1950 гг. личных нападок на него), как к нему относятся в Москве. Первые серьезные сигналы относительно целей Паасикиви начали поступать в Москву еще в 1945 г. В 1947 г. недовольство стало вызывать отношение финского президента к так называемому плану Маршалла,

когда и для СССР, и для Финляндии выработка позиции в этом вопросе стала актуальной проблемой.

Среди политического руководства СССР, судя по всему, не было единства мнений по поводу участия в плане Маршалла. При подготовке к Парижскому совещанию министров иностранных дел (27 июня — 2 июля 1947 г.) в Москве, проанализировав сделанное 5 июня заявление госсекретаря США Дж. Маршалла, исходили из того, что речь идет о некоей новой кредитной линии («что-то вроде ленд-лиза»), не сознавая, что целью плана является создание предварительных условий для западноевропейской интеграции. Занятая советской стороной на Парижском совещании позиция в отношении плана Маршалла отнюдь не является доказательством наличия консолидированной позиции по этому вопросу в советском политическом руководстве⁵.

В Финляндии, особенно в деловых кругах, представлявших экспортные отрасли финской экономики, к планам восстановления Европы отнеслись с большим интересом. Насколько можно судить, финские дипломаты несколько запаздывали с собственными оценками и информированием главы государства. Президент Паасикиви узнал о плане Маршалла не из дипломатических донесений, а из газет⁶. Идея его более чем заинтересовала. Он полагал, что Финляндии не следует пренебрегать открывавшейся возможностью. Вместе с тем Паасикиви учитывал препятствия, которые могут возникнуть из-за позиции восточного соседа Финляндии. Уже 30 июня стало известно о содержании беседы А. А. Жданова с вождями финских коммунистов — Вилле Песси и Хертой Куусинен. Реакция Москвы на план Маршалла явно не была положительной⁷.

16 июня 1947 г. в Москву прилетел исполнительный секретарь Европейской экономической комиссии ООН, бывший министр торговли Швеции Гуннар Мюрдаль. Можно предположить, что именно к его приезду был приурочен появившийся в тот же день в «Правде» негативный комментарий к плану Маршалла. Публикация была воспринята западными дипломатами в Москве как холодный душ. Мюрдаль стремился доказать советскому руководству, что возглавляемая им комиссия может стать удобной площадкой для дальнейшей дискуссии относительно планов восстановления экономики Европы. Он пытался донести до собеседников простую мысль: отказ СССР от участия в плане Маршалла даст зеленый свет возникновению западного блока для восстановления экономики Европы. Иными словами, Мюрдаль пытался сыграть на присущих советскому политическому руководству опасениях в отношении любых интеграционных процессов. Мюрдаль еще до прибытия в Москву извещал главу внешнеполитического ведомства Швеции Эстена Ундена о цели Вашингтона: США стремятся к созданию именно западноевропейского экономического блока при реализации плана Маршалла, но вынуждены учитывать позицию Англии и Франции, которым необходим жест в сторону Советского Союза, чтобы они могли пойти на одобрение плана без участия русских. Мюрдаль находился в Москве до 23 июня, у него состоялась обстоятельная беседа с В. М. Молотовым, но его просьба о встрече со Сталиным удовлетворена не была. Особого эффекта его аргументация в Москве не произвела⁸.

После долгих колебаний в Москве согласились принять участие в созванном 27 июня в Париже Совещании министров иностранных дел, основным пунктом

повестки дня которого был именно план Маршалла. Переговоры завершились 2 июля, когда Молотов сделал заявление об отказе советской стороны принять участие в этом плане, поскольку тот имеет целью раскол Европы на две группы государств во имя выгоды отдельных стран⁹. Последующее развитие событий было предсказуемо.

4 июля 1947 г. посланники Англии Френсис Шеферд и Франции Даниель Леви передали в МИД Финляндии официальное приглашение принять участие в открывающейся 12 июля в Париже конференции по проблемам экономического восстановления Европы¹⁰. В политических и деловых кругах Финляндии в целом было понимание того, что без внешней помощи послевоенное экономическое восстановление страны будет проходить очень тяжело. Однако уже 5 июля советский посланник Александр Никитич Абрамов передал министру иностранных дел Карлу Энкелю ноту, в которой выражалось отрицательное отношение Советского Союза к плану Маршалла. Правда, из ноты отнюдь не вытекало категорическое требование Советского Союза чтобы Финляндия не участвовала в Парижской конференции. У Энкеля от беседы сложилось впечатление, что участие Финляндии в международном сотрудничестве вполне соответствует интересам СССР и Финляндия может поступать как сочтет нужным¹¹. 7 и 8 июля 1947 г. правительство Финляндии обсуждало вопрос о плане Маршалла, но не пришло к единому мнению, хотя в первоначальном проекте решения и говорилось о том, что Финляндия принимает приглашение участвовать в предстоящей конференции, правда с оговоркой, что окончательное решение будет принято после того, как станет известна полная программа конференции¹².

Несмотря на склонность большинства членов финского правительства к тому, чтобы принять участие в намечаемой конференции, премьеру Мауно Пеккала, представителю Демократического союза народа Финляндии¹³, удалось добиться учета пожеланий советской стороны. Пеккала пригласил к себе на ужин 8 июля заместителя главы советской делегации в Союзной контрольной комиссии генерала Г. М. Савоненкова. Тот в довольно жесткой форме передал премьеру: «Правительство Советского Союза ожидает, что Финляндия не примет участия в Парижской конференции». При этом генерал подчеркнул конфиденциальность сделанного им сообщения: финская общественность не должна знать о вмешательстве советской стороны в этот вопрос¹⁴.

Мирный договор с Финляндией¹⁵ к тому времени не был еще ратифицирован советской стороной — указ Верховного Совета СССР о ратификации договора был подписан 29 августа, а вступил в силу 14 сентября. Требование отказаться от участия в Парижской конференции было тяжело воспринято Паасикиви. Для президента, чьи представления о государственном суверенитете покоились на теоретических положениях международного права, неизбежно приводящих к дедуцированию из создаваемого ими идеала совершенно ирреальной картины мировой политики (в которой существуют уважающие друг друга и равные в своей абсолютности суверены), закономерно возникал вопрос: можно ли после подобного вмешательства в финские дела и с учетом того, что подписан мирный договор, говорить о Финляндии как суверенном государстве? Первоначально Паасикиви вообще отнесся с сомнением к тому, что не пользующийся его доверием

премьер сказал правду; он полагал, что вся история в действительности является интригой финских коммунистов. Для Паасикиви отказ от участия в конференции означал не только возможную утрату выгод для развития экономики Финляндии, но и серьезный удар по престижу страны, в результате которого она оказывалась в глазах Запада прочно связанной с Востоком.

Паасикиви направил к А. Н. Абрамову для дополнительного выяснения вопроса Рейнхольда Свенто и Карла Энкеля. Советский посланник подтвердил, что Савоненков точно передал Пеккала точку зрения Москвы: участие в конференции будет истолковано как враждебный Советскому Союзу акт. Прежний настрой большинства членов правительства принять приглашение на конференцию радикально изменился: никто не хотел принимать на себя ответственность за более чем возможный конфликт с Москвой.

10 июля финское правительство приняло решение направить правительствам Франции и Англии ноты, в которых объяснялись мотивы отказа Финляндии от участия в Парижской конференции. Однако Паасикиви продолжал упорствовать. Он попытался заручиться поддержкой эдускунты. Из-за периода летних отпусков в столице находились далеко не все депутаты парламента. Созывать внеочередную сессию по данному вопросу было политически неоправданным шагом. В силу этого президент ограничился консультациями с председателем эдускунты, руководством фракций и членами комиссии по международным делам. Социал-демократические депутаты выступили за участие в конференции. Один из руководителей партии, Вяйнё Лескинен, особо подчеркивал историческое значение этого события: необходимо сочетать отношения с Советским Союзом и развитие экономических связей с Западом. Коммунисты столь же категорически поддержали требование, переданное Савоненковым; кроме того, экономическое состояние Финляндии было не настолько плохим, как утверждали их оппоненты, чтобы принять участие в конференции. После обсуждения большинство членов комиссии (от Социал-демократической партии Финляндии, Аграрного союза и буржуазных партий) поддержало предложение Лескинена отправить экономическую делегацию в Париж. Однако это решение комиссии не повлекло изменения позиции правительства, и Паасикиви пришлось 11 июля уступить.

Отказавшись от участия в Парижской конференции по плану Маршалла, Финляндия не смогла стать участником Организации Европейского экономического сотрудничества (*Organisation for European Economic Co-operation, OEEC*) (она стала членом этой организации только в 1968 г.). Однако в глазах Запада отказ Финляндии означал и выбор: страна стала восприниматься, как ставшая на сторону восточного блока. 12–15 июля в Париже состоялась конференция 16 западноевропейских государств, заявивших о своей готовности участвовать в плане Маршалла. Финляндии среди них не было. На первых порах казалось, что вашингтонская администрация все же не будет считать Финляндию полностью потерянной страной и окажет ей поддержку, чтобы избежать ее полного подчинения коммунистам. Однако августовская встреча в Женеве исполнительного директора Финляндского союза по внешней торговле Яакко Кахма с заместителем министра торговли США Уильямом Клейтоном показала, что ситуация для Финляндии более сложная. Правда, в октябре 1947 г. в Хельсинки приехал глава Экспортно-импортного банка

У. Мартин. Паасикиви встретился с ним. Результаты переговоров были настолько обнадеживающими, что три дня спустя президент уполномочил горного советника Вальтера Грэсбека на ведение переговоров с американскими банками о предоставлении кредитов, и несколько кредитных соглашений были подписаны уже в октябре. Благожелательное отношение вашингтонской администрации к Финляндии серьезно изменилось к концу зимы — началу весны 1948 г., т. е. после известных чехословацких событий и начала советско-финляндских переговоров о подписании договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи¹⁶.

Вместе с тем на Западе обратили внимание на готовность Финляндии предоставить сведения о своей экономике. В Форин-офисе полагали, что тем самым Финляндия хотела бы участвовать в работе по экономическому планированию, которая проводилась в Париже, однако не публично. Финское правительство попросили представить расчеты экспортного потенциала ее лесной промышленности на 1948–1951 гг., заверив при этом, что в протоколах конференции не будет указываться, откуда получена данная информация. Сведения подготовил начальник отдела торговли МИД Юхан Нюкопп, который попутно сообщил о потребностях финской экономики в импорте каменного угля и кокса. Тем самым была заложена основа для сотрудничества в будущем с Организацией европейского экономического сотрудничества¹⁷.

Однако решение об отказе от участия в плане Маршалла на долгое время лишало Финляндию возможности выработать альтернативную внешнеполитическую стратегию, вынуждая довольствоваться в отношениях с Советским Союзом исключительно оборонительной тактикой. Это решение изолировало Финляндию от экономических интеграционных процессов, набиравших скорость в Западной Европе после Парижской конференции. Заверения некоторых западных деятелей в том, что торговые отношения с Финляндией будут сохранены, лишь камуфлировали тот факт, что Финляндия остается в Восточной Европе в одной группе с советскими сателлитами¹⁸. Паасикиви предстояло доказать Западу: Финляндия — не Восточная Европа. Эта задача представлялась ему актуальной, поскольку отказ Швеции от политики наведения мостов служил явным сигналом выбора Скандинавии в пользу Запада.

Паасикиви настораживали негативные последствия отказа от участия в плане Маршалла для экономики Финляндии. Его отчасти успокоила полученная из Лондона от Э. Вуори информация, что этот отказ не скажется на экспорте финской бумаги в Англию. Тема отказа Финляндии от участия в плане Маршалла всплыла после подписания договора с Советским Союзом о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи в апреле 1948 г. Тогда еще не покинувший Москву финский премьер М. Пеккала в беседе с В. М. Молотовым 8 апреля заметил: «Заключенный теперь с Советским Союзом договор может затруднить положение Финляндии, которая ранее получала от США сырье и кредиты». Он считал, что с этого момента Финляндии трудно будет что-то получить от США, а возможность получения кредитов вообще закрыта. Глава советского внешнеполитического ведомства не стал развивать затронутую финским премьером тему, тем самым дав понять, что не склонен обсуждать возможность компенсаций финских утрат. Однако Пеккала проявил настойчивость, и Молотову пришлось дать ответ: «Что же касается

экономических вопросов, то премьер-министру Пеккала известно, что генералиссимус Сталин весьма внимательно относится к вопросу о политических и экономических отношениях между СССР и Финляндией и что можно будет уговориться и найти подходящее время, когда будут рассмотрены те экономические вопросы, которые интересуют Финляндию»¹⁹. В соседней Швеции пристально наблюдали за состоянием советско-финляндских отношений. Во время Парижской конференции, как сообщал финский посланник в Стокгольме Грипенберг, в официальных кругах циркулировала информация об участвовавших перелетах военных самолетов с востока шведско-финской границы²⁰.

К концу 1947 г. советская дипломатия взяла курс на ужесточение в отношениях с Финляндией. Ноты о возвращении в СССР «изменников» (речь шла об эстонцах, ингерманландцах и карелах) и конфискации книги сидевшего в лагере генерала Аиро заставили Паасикиви записать в свой дневник: «Я начинаю становиться пессимистом в отношении нашего будущего»²¹. Претензий к финским властям у Москвы становилось все больше и больше. Помимо очевидного для советской стороны желания Хельсинки не только поддерживать, но и развивать отношения с Западом, появлялись и косвенные факты, свидетельствовавшие о наличии определенной тенденции к отдалению от СССР. Показательна в связи с этим история с созданием Института по изучению Советского Союза. Уполномоченный Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) в Финляндии, третий секретарь советской миссии Сергей Истомин в подготовленной им в 1948 г. справке «Институт по изучению СССР» кратко обрисовал перипетии, связанные со становлением этого института. Сразу после подписания перемирия в сентябре 1944 г., писал он, в кругах прогрессивной интеллигенции возникла мысль о создании в Финляндии специального института, а инициативу проявил народный демократ депутат эдускунты магистр Карл Вийк²², который поделился тогда же своими мыслями о создании института с А. А. Ждановым, отнесшимся к этому предложению положительно. В 1945 г. Государственный совет Финляндии учредил при министерстве народного просвещения государственный комитет для подготовки и изучения вопроса о создании института. Однако смерть Вийка в 1946 г. остановила работу этого комитета. Только в 1947 г. правительство М. Пеккала приняло решение о внесении в государственный бюджет отдельной строкой ассигнования на работу создаваемого института. Это решение нашло поддержку в эдускунте и у президента. Однако директором созданной структуры по изучению Советского Союза был назначен доцент Хельсинкского университета Валентин Юлиус Александер Кипарский. По мнению Истомина, трудно было подобрать на этот пост более подходящую для реакционеров кандидатуру, чем кандидатуру «труса и конъюнктуриста» профессора Кипарского, политически близкого к самой реакционной партии — Коалиционной, который во время войны носил немецкую военную форму и входил в группу финских ученых, чьей целью «являлись классификация и вывоз культурных ценностей Ленинграда после занятия его доблестной финской армией»²³. Истомин не ограничивался составлением справки для руководства, он предпринимал активные шаги для устранения Кипарского. Раздражение Истомина становится понятным, если учесть, что цели, ради которых создавался институт, достигнуты не были — институт не стал некоей подконтрольной обществу

«Финляндия — Советский Союз» структурой с политико-идеологическими, а не чисто научными целями. Кипарский и второй директор Игорь Вахрос опасались, что институт может оказаться под контролем общества «Финляндия — Советский Союз», и предпринимали в этом направлении определенные шаги.

В отчете советской миссии в Финляндии за 1947 г. констатировалось, что в тот год «заметно усилилась борьба за направление дальнейшего развития внешней торговли. Реакционные круги Финляндии, восстановившие к этому времени в широких размерах свои прежние деловые и политические связи в Англии и Америке, начали в угоду англо-американским империалистам поворачивать курс внешней торговли на запад и особенно на Америку», выдвигая в качестве объяснения тезис, что «Финляндия не может, якобы, обеспечивать функционирования и расширения своей промышленности, выполнения репараций и повышения жизненного уровня населения без значительного увеличения внешней торговли с США»²⁴. Тревожным сигналом для советских дипломатов стало то, что на прошедших 4–5 декабря 1947 г. коммунальных выборах количество поданных за Демократический союз народа Финляндии голосов в процентном отношении сократилось. Что касается общей оценки советско-финляндских отношений, то отмечалась характерная для них противоречивость, объяснимая относительным равновесием сил в упорной борьбе между сторонниками действительно дружественных отношений и реакционными правыми кругами. «Эта упорная борьба за внешнеполитический курс развития Финляндии скрывалась часто за той внешней оболочкой лояльности, которую официально проявляли и проявляют почти все политические круги страны... Как известно, — отмечали авторы отчета, — политика Паасикиви сводится к созданию видимости дружественных отношений. Ее можно охарактеризовать как политику подрыва базы для подлинно дружественных отношений... как стремление смазать усилившееся влияние СССР в финском народе». В отчете подчеркивалось, что политика Финляндии за последнее время стала открыто неблагоприятной по отношению к СССР. Паасикиви до последнего затягивал решение об отказе от Парижской конференции, «надеясь на возможность какого-либо компромиссного решения... Чтобы сохранить лазейку для возможного сотрудничества с англосаксонскими странами, в тексте финского ответа на приглашение была сделана ссылка на “не стабилизировавшееся мирным договором внешнеполитическое положение страны”»²⁵. Авторы отчета особо указывали, что США продолжают проводить по отношению к Финляндии «особую» политику, отличающуюся от их политики в других европейских государствах: политика давления проводится в тщательно завуалированной форме, поскольку учитывается, что в финнах нужно поддерживать веру во всемогущество заокеанского друга, который не оставит их в беде.

В Москве осознавали необходимость усиления советских позиций в Финляндии в экономической сфере, что вызывало сопротивление со стороны Паасикиви и значительной части политических и деловых кругов. В июле 1949 г. на имя главы МИД А. Я. Вышинского из 5-го европейского отдела МИД СССР поступила записка, из которой следовало, что советские предприятия в Финляндии вследствие отсутствия оборотных средств испытывают значительные трудности. Эти трудности были обусловлены тем, что деятельность данных предприятий протекает в условиях нарастающей конкуренции со стороны англо-американского и шведского

капитала. По этой причине требовалось укрепление их материально-технической и финансовой базы, так как в противном случае предприятия рискуют быть вытесненными с финского рынка. Чтобы избежать этого, предлагалось увеличить объем производства крупных промышленных предприятий и фирм ГУСИМЗа²⁶, пополнив недостаток оборотных средств советских предприятий в Финляндии на сумму 785 млн финских марок, а также произвести капиталовложения в эти предприятия в сумме 370 млн марок²⁷.

Утрату возможностей, которые для восстановления экономики открывало участие в плане Маршалла, финская сторона пыталась компенсировать получением компенсаций на Востоке. Однако на протяжении довольно продолжительного периода (1948 г. — первая половина 1950 г.) эти попытки не приносили успеха в силу неудовлетворенности советской стороны внутренней политикой президента Паасикиви и поддерживавшегося им социал-демократического правительства меньшинства во главе с К.-А. Фагерхольмом.

В конце марта 1949 г. у торгпреда М. К. Артемьева и его коллег состоялась обстоятельная беседа по вопросам советско-финляндской торговли с начальником торгово-политического отдела МИД Финляндии Юханом Ньюкоппом и начальником торгового отдела МИД Копола. Беседа носила неформальный характер, проходила в ресторане «Савой». Финские собеседники косвенно, а в некоторых случаях достаточно откровенно намекали на то, что сожалеют об отказе Финляндии от участия в плане Маршалла. Ньюкопп заметил, что у его страны имеются большие возможности для увеличения торгового оборота со странами народной демократии, прежде всего с Польшей, откуда хотелось бы получать больше кокса и угля, и с Чехословакией, где можно было бы закупать больше металлов и текстиля. Однако эти страны не заинтересованы в увеличении импорта финских товаров, что с неизбежностью породит отрицательное торговое сальдо для Финляндии, покрыть которое свободной валютой Финляндия не способна, так как валюты у нее просто нет. По этой причине Ньюкопп предлагал своим собеседникам обсудить возможность заключения двух клиринговых соглашений между СССР, Польшей и Финляндией и между СССР, Чехословакией и Финляндией. Отрицательное сальдо последней в торговле с Польшей и Чехословакией покрывалось бы товарными поставками из СССР, а Финляндия на такую же сумму осуществила бы поставки в СССР (стандартные дома и бараки, пиломатериалы, круглый лес, бумага, целлюлоза). Кроме того, Ньюкопп обратил внимание Артемьева на то, что финские фирмы лишились важных рынков сбыта целлюлозы (в Европе и прежде всего в западной зоне Германии, куда направляется целлюлоза из Канады в счет плана Маршалла и по ценам значительно ниже, чем продают финские фирмы). Такую ситуацию расценили как «нажим на Финляндию за то, что она не вступила в организацию плана Маршалла». Как замечал Артемьев, «по тону разговора можно было понять, что он сожалеет», что его страна в ней не участвует²⁸.

В Москве осознавали, что поставленный финской стороной вопрос необходимо решить в сжатые сроки, поскольку его затягивание создавало как политические, так и экономические риски. Поэтому уже в конце июня 1949 г. (не свойственная для советской дипломатии в то время скорость) были подписаны тройственные соглашения — советско-польско-финляндское

и советско-чехословацко-финляндское, — расширившие возможности торговли. В соответствии с первым соглашением Финляндия поставляла в Советский Союз товаров на 80 млн руб. (2 млрд марок), а Советский Союз, в свою очередь, на такую сумму поставлял товары в Польшу, которая оплачивала их поставками угля в Финляндию. По второму соглашению Финляндия поставляла в СССР товаров на 20 млн руб. (500 млн марок), тот поставлял на такую же сумму товары в Чехословакию, а последняя поставляла в Финляндию сахар, оборудование и химикаты. Почти половина стоимости финских поставок в СССР по этим соглашениям приходилась на деревянные стандартные дома, остальное — на пиленый лес, медные изделия, деревянные рыболовецкие траулеры. Эти два соглашения повлекли значительное расширение советско-финляндской торговли — с 6 млрд марок в 1947 г. до 10 млрд в 1949 г. Во внешнеторговом обороте Финляндии доля Советского Союза в 1949 г. достигла 13,3 % (экспорт — 15,3 %, импорт — 11,4 %). Первое место сохраняла Великобритания²⁹. К 1953 г. доля СССР во внешнеторговом обороте Финляндии составляла уже 23 %.

Вынужденный в результате советского давления отказ Финляндии от участия в плане Маршалла не был единственной уступкой, оставившей эту страну вне намечавшихся в Европе интеграционных процессов. Осенью 1947 г. в Гааге открылась конференция, на которой было подписано Генеральное соглашение по тарифам и торговле (*General Agreement on Tariffs and Trade, GATT*). Финляндия приглашалась принять в ней участие, но своих представителей так и не прислала. Только после формирования социал-демократического правительства Фагерхольма, что знаменовало попытку ослабления «советских объятий», Финляндия пошла на переговоры об участии в *GATT* в августе 1948 г. Одним из противников присоединения к соглашению стал Демократический союз народа Финляндии, так как считал это соглашение противоречащим договору о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, наносящим вред интересам сельского хозяйства и деревообрабатывающей промышленности Финляндии на мировом рынке. Однако отсылка к сохранению протекционистской политики особой поддержки не нашла, и в 1950 г. Финляндия подписала соглашение³⁰. Коммунистическая партия Финляндии в начале 1950-х гг. упорно отстаивала необходимость переориентации внешней торговли страны на Советский Союз и страны народной демократии. Торговля с западными странами, по мнению коммунистов, должна была регулироваться двусторонними договорами, а не *GATT*. Поступательное развитие торговли с СССР после подписания пятилетнего торгового договора в июне 1950 г. повлекло ослабление борьбы коммунистов, связанной с вопросом о *GATT*. Судя по всему, Советский Союз не оказывал давления на Финляндию в вопросе о присоединении к *GATT*.

В отличие от Скандинавских стран, Финляндия уклонилась от участия в конференции по вопросам торговли и занятости в Гаване (21 ноября 1947 г. — 28 марта 1948 г.), созванной по инициативе ООН (присутствовали только финские наблюдатели). Впрочем, разработанный на конференции проект Международной торговой организации реализован не был.

В мае 1948 г. в Гааге под председательством У. Черчилля открылся Конгресс Европы, в котором приняли участие делегации 16 государств. Финляндия не участвовала в его работе и тем самым осталась вне Европейского совета,

созданного позже по результатам работы конгресса. Бывший министр иностранных дел Финляндии (и защитник экс-президента Ристо Рюти на процессе военных преступников) Ялмар Прокопе, которому было предложено приехать в качестве наблюдателя, уклонился от этого, не желая, как он писал Паасикиви, доставлять сложности правительству Финляндии³¹. Вместе с тем Финляндия сохраняла связь с западными финансовыми институтами. Ее заявка на предоставление членства в Международном валютном фонде и Международном банке реконструкции и развития, поданная в апреле 1947 г., была одобрена в сентябре того же года. В отличие от Чехословакии и Польши, которых советская сторона заставила в 1950-е гг. покинуть эти организации, аналогичных требований в отношении Финляндии Москва не предъявляла. С осени 1947 г. Финляндия начала участвовать в работе комитетов и подкомитетов Европейской экономической комиссии ООН, в которых рассматривались вопросы, представлявшие интерес для ее экономики. Она не могла участвовать в их деятельности на равных правах с другими государствами, поскольку не являлась членом ООН. Глава Комиссии Мюрдаль в 1949 г. не раз выражал интерес к возможности полноправного участия Финляндии, обращаясь с неофициальными письмами к Паасикиви. Особого понимания перспективы развития отношений с ЕЭС в Хельсинки не нашли, так как считалось, что роль комиссии невелика, а особое значение имеют лишь двусторонние договоры. Однако в ответе Мюрдалю указывалось не на это, а на кадровый дефицит³².

Вынужденный отказ Финляндии от участия в плане Маршалла стал первым серьезным препятствием для ее участия в постепенно набиравшем динамику процессе европейской интеграции. Добившись этого от финского правительства, советская сторона фактически принимала на себя некоторые обязательства, частично компенсировавшие Финляндии экономические потери. Однако исполнение этих обязательств в необходимом для достижения политических целей объеме со временем стало значительным бременем для СССР.

¹ Приводится по: *Suomi J. Vonkamies. Urho Kekkonen. 1944–1950. Helsinki, 1988. S. 47.*

² Приводится по: *Nevakivi J. Linnasta linnaan. Eero A. Wuoren (1900–1966) poliittinen elämäkerta. Helsinki, 1992. S. 286.*

³ *K. Sundström R. Sentolle, 13.02.1946 // Ulkoasiainministeriön arkisto (далее — UMaArk). 5 b. (K. Sundströmin yksityiskirjeenvaihto).*

⁴ Приводится по: *Hentilä S. Eero A. Wuori (1900–1966) // Suomalainen diplomaatti. Muotovia muistista ja arkistojen kätköistä / Toimittaneet Arto Mansala ja Juhani Suomi. Helsinki, 2003. S. 336.*

⁵ Подробнее см., напр.: *Линкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М., 2016. С. 103–123; Наринский М. План Маршалла и Советский Союз // История европейской интеграции. Б. м., 1995. С. 30–45.*

⁶ *Rantanen P. Suomi ja Eurooppa 1958 // Paasikivi — Seuran ja Ulkoasiainministeriön seminaari, 03.09.2008. Available at: <http://www.paasikivi-seura.fi/37> (accessed: 16.02.2017).*

⁷ По времени встреча А. А. Жданова с финскими коммунистами совпала с подготовкой этого члена Политбюро ЦК к предстоящему Информационному совещанию представителей компартий в польской Шклярской Порембе, на котором присутствующие услышат из его уст исключительно жесткие оценки политики США.

⁸ См. об этом: *Sevón C. Visionen om Europa. Svensk neutralitet och europeisk återuppbyggnad 1945–1948. Helsinki, 1995. S. 143.*

⁹ Приводится по: Внешняя политика Советского Союза. 1947 год. Ч. 2. М., 1952. С. 122–123.

¹⁰ См. об этом: *Majander M. The Limits of Sovereignty. Finland and the Question of the Marshall Plan in 1947 // Scandinavian Journal of History. 1994. Vol. 19. P. 309.*

¹¹ *Ibid.* P. 310.

¹² См. об этом: *Seppinen J. Mahtottomasta mahtollinen. Suomen tie Euroopan Unioniin. Helsinki, 2001. S. 65–66.*

¹³ Несмотря на неизменно проявляемое М. Пеккала стремление учитывать советские интересы, отношение к возглавляемому им коалиционному правительству в Москве трудно назвать благожелательным. Лидеры финских коммунистов подверглись в июне 1947 г. разносторонней критике со стороны Жданова: «На основе мирного сотрудничества в блоке коммунисты ничего не приобретут, наоборот, скорее могут потерять то, что уже приобрели. Нельзя в блоке обойтись без кровопускания по отношению к своим партнерам» (цит. по: Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 47). Лично Пеккала рассматривался в Москве как человек, который своей деятельностью может рассчитывать на расположение. Когда в середине апреля 1947 г. Пеккала напомнил посланнику Абрамову о данном ему ранее советской стороной согласии на проведение им с женой отпуска в Крыму, то решением Совета министров СССР такое согласие было подтверждено в мае 1947 г. (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 239. Л. 176–177).

¹⁴ Приводится по: *Majander M. Sosiaalidemokratit, kommunistit ja Suomen kansainvälinen asema 1944–1951. Helsinki, 2004. S. 383.*

¹⁵ О Парижском мирном договоре см., напр.: *Visuri P.*: 1) *Paasikiven Suomi suurvaltojen puristuksessa. 1944–1947. Docendo, 2015*; 2) *The Making of the Paris Peace Treaty // From War to Cold War. Anglo-Finnish Relations in the 20th Century / ed. by J. Aunesluoma. Helsinki, 2005. P. 48–58*; *Evans H. British Involvement in the Finnish Peace: The Paris Peace Treaty, 1947 — A Mere Formality // Ibid. P. 90–104.*

¹⁶ См. об этом: *Seppinen J. Mahtottomasta mahtollinen. Suomen tie Euroopan Unioniin. S. 76.*

¹⁷ См. об этом: *Majander M. Sosiaalidemokratit, kommunistit ja Suomen kansainvälinen asema 1944–1951. S. 390.*

¹⁸ *Ibid.* S. 77.

¹⁹ В. М. Молотов. Прием премьер-министра Финляндии М. Пеккала, 08.04.1948 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 10. П. 3. Д. 14. Л. 1, 3.

²⁰ G. A. Gripenberg. Raportti n:o 17/1947, 28.07.1947 // UMaArk. 5 С 2.

²¹ J. K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. Ensimmäinenosa. 28.06.1944–24.04.1949. Helsinki, 1985. S. 532. — Посланник А. Н. Абрамов говорил К. Энкелю, что в вопросе о возвращении «изменников» нельзя проводить аналогии со Швецией, которая сохраняла в войне нейтралитет. В силу этого ссылки на юридические аспекты проблемы учитываться не могут. Следует подходить к ее решению только с политических позиций. Паасикиви был вынужден отметить для себя: «У русских совершенно иное представление о праве и законности, чем у западных и северных народов». Вместе с Энкелем он приходил к выводу: «Бобриковское время было идиллией по сравнению с нынешним временем и нынешними условиями» (*Ibid.*).

²² Вилле Пернаа, посвятивший истории Института по изучению Советского Союза фундаментальную монографию, считал, что идея была предложена обществу «Финляндия — Советский Союз» в ноябре 1944 г. Валентином Кипарским и нашла понимание, а в ноябре Маури Рюёмя от имени общества изложил ее политическому советнику Союзной контрольной комиссии Павлу Орлову. И только после этого Карл Вийк затронул тему в беседе с А. А. Ждановым (*Perna V. Tehtävänä Neuvostoliitto. Opetusministeriön Neuvostoliitto instituutin roolit suomalaisessa politiikassa 1944–1992. Helsinki, 2002. S. 19, 22.*)

²³ С. Истомин. Институт по изучению СССР. Справка // АВП РФ. Ф. 047. Оп. 9. П. 89. Д. 115. Л. 52–54.

²⁴ Г. Савоненков А. Н. Абрамову. Отчет миссии СССР в Финляндии за 1947 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 382. Л. 300 и сл.

²⁵ Там же.

²⁶ Главное управление советским имуществом за границей. До конца апреля 1947 г. входило в состав Министерства внешней торговли, а затем до 1956 г. являлось самостоятельным главком при Совете министров СССР.

²⁷ Записка А. Н. Абрамова, А. Чистякова А. Я. Вышинскому, 09.07.1949 // АВП РФ. Ф. 047. Оп. 9. П. 84. Д. 79. Л. 127.

²⁸ Запись беседы торгпреда М. К. Артемьева с Ф. Ньюкопом, 25.03.1949 // АВП РФ. Ф. 047. Оп. 9. П. 89. Д. 115. Л. 118–120.

²⁹ Выступление У. К. Кекконена в Институте по изучению Советского Союза (Neuvostoliitto-Instituutti), 23.05.1951 // Viidesti pääministeri. Urho Kekkonen 1950–1956. Toim. Ari Uino. Helsinki, 2000. S. 99.

³⁰ См. об этом: *Paavonen T.* Suomalaisen protektionismin viimeinen vaihe. Suomen ulkomaankauppa- ja integraationpolitiikka 1945–1961. Helsinki, 1998. S. 88–89.

³¹ Paavo Rantanen. Suomi ja Eurooppa 1958 // Paasikivi — Seuran ja Ulkoasiainministeriön seminaari, 03.09.2008. Available at: <http://www.paasikivi-seura.fi/37> (accessed: 16.02.2017).

³² *Paavonen T.* Suomalaisen protektionismin viimeinen vaihe. S. 86. — Постепенно отношение к Европейской экономической комиссии в Хельсинки менялось, и в 1951–1963 гг. представитель Центрального союза деревообрабатывающей промышленности Финляндии Й. О. Сёдерельм был заместителем председателя Лесного комитета ЕЭС, а Сакари Туомия в 1957–1960 гг. — генеральным секретарем ЕЭС.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рупасов А. И. СССР и вынужденный отказ Финляндии от плана Маршалла // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 937–950. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.410> УДК 94(480)“1945/1950”

Аннотация: В статье анализируются причины, которые побудили СССР оказать жесткое давление на правительство Финляндии в целях отказа от участия в плане Маршалла. Особое внимание обращено на различия в позициях президента Финляндии Паасикиви и правительства Финляндии во главе с М. Пеккала. Заложенный в плане Маршалла импульс к европейской интеграции представлялся заманчивым широким деловым кругам Финляндии. Президент Паасикиви рассматривал его прежде всего в качестве основы для преодоления сильного влияния СССР. Однако правительство фактически проигнорировало мнение большинства фракций парламента Финляндии (эдускунты), опасаясь негативной реакции Москвы, в результате чего ратификация мирного договора советской стороной могла быть затянута, а расчеты на облегчение репарационных платежей несбыточными. Вынужденный отказ Финляндии от участия в плане Маршалла стал первым серьезным препятствием для участия в постепенно набиравшем динамику процессе европейской интеграции. Добившись этого от финского правительства, советская сторона фактически принимала на себя некоторые обязательства, частично компенсировавшие Финляндии экономические потери. Однако исполнение этих обязательств в необходимом для достижения политических целей объеме со временем становилось значительным бременем для СССР. Вынужденный советским давлением отказ Финляндии от участия в плане Маршалла не был единственной уступкой, оставлявшей эту страну вне намечавшихся в Европе интеграционных процессов. Осенью 1947 г. в Гааге открылась конференция, на которой было подписано Генеральное соглашение по тарифам и торговле. Финляндия приглашалась принять в ней участие, но своих представителей так и не прислала. Финляндия также уклонилась, в отличие от Скандинавских стран, от участия в конференции по вопросам торговли и занятости в Гаване (21 ноября 1947 г. — 28 марта 1948 г.), созданной по инициативе ООН.

Ключевые слова: внешняя политика, СССР, Финляндия, план Маршалла, экономическое сотрудничество, репарации.

Сведения об авторе: Рупасов А. И. — д-р ист. наук, ведущий науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, член-корреспондент Финляндского исторического общества (Санкт-Петербург, Россия); rupasov_ai@mail.ru

FOR CITATION

Rupasov A. I. 'USSR and the Compelled Refusal of Finland on the Marshall Plan', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018, pp. 937–950. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.410> (In Russian)

Abstract: This article analyzes the reasons that prompted the Soviet Union to pressure the Finnish government refuse from participation in the Marshall plan. Special attention is paid to the distinct positions of Finnish President J. K. Paasikivi and the government of Finland headed by M. Pekkala. Business circles perceived the Marshall plan positively, because it was seen as providing an additional impetus to European integration and to growth of the European economy. President Paasikivi considered it primarily to be a basis for overcoming the strong influence of the Soviet Union. However, the government ignored the opinion of the majority faction of Parliament, being afraid of Moscow's negative reaction of Moscow; therefore, ratification of the peace treaty by the Soviet side could be delayed, and calculations to facilitate reparation payments were unrealizable. Finland's forced refusal to participate in the Marshall Plan was the first serious obstacle to participating in the process of European integration that was gradually gaining momentum. Having gained this from the Finnish government, the Soviet side actually assumed certain obligations that partially compensated Finland for economic losses, but fulfilling the volume of these for for political goals became a significant burden over time.

Keywords: Foreign policy, USSR, Finland, Marshall plan, economic cooperation, reparations.

Author: Rupasov A.I. — Doctor of History, Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Finnish historical society (St. Petersburg, Russia); rupasov_ai@mail.ru

References:

- Evans H. 'British Involvement in the Finnish Peace: The Paris Peace Treaty, 1947 — A Mere Formality', *From War to Cold War. Anglo-Finnish Relations in the 20th Century*, Ed. by Juhana Aunesluoma (Helsinki, 2005).
- Hentilä S. Eero A. Wuori (1900–1966), *Suomalainen diplomaatti. Muotovia muistista ja arkistojen kätköistä*, Toim. Arto Mansala ja Juhani Suomi (Helsinki, 2003).
- J. K. Paasikiven päiväkirjat. 1944–1956. *Ensimmäinen osa. 28.06.1944–24.04.1949* (Helsinki, 1985).
- Lipkin M. A. *Sovetskij Soyuz i integracionnyye processy v Evrope: seredina 1940-x — konec 1960-x godov* (Moscow, 2016).
- Majander M. *Sosiaalidemokraatit, kommunistit ja Suomen kansainvälinen asema 1944–1951* (Helsinki, 2004).
- Majander M. 'The Limits of Sovereignty. Finland and the Question of the Marshall Plan in 1947', *Scandinavian Journal of History*, vol. 19, 1994.
- Moskva i Vostochnaya Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa. 1949–1953. Ocherki istorii* (Moscow, 2002).
- Narinskiy M. 'Plan Marshalla i Sovetskij Soyuz', *Istoriya evropejskoj integracii* (1995).
- Nevakivi J. *Linnasta linnaan. Eero A. Wuoren (1900–1966) poliittinen elämäkerta* (Helsinki, 1992).
- Paavonen T. *Suomalaisen protektionismin viimeinen vaihe. Suomen ulkomaankauppa- ja integraatiopolitiikka 1945–1961* (Helsinki, 1998).
- Pernaa V. *Tehtävänä Neuvostoliitto. Opetusministeriön Neuvostoliittoinstituutin roolit suomalaisessa politiikassa 1944–1992* (Helsinki, 2002).
- Rantanen P. Suomi ja Eurooppa 1958, Paasikivi — Seuran ja Ulkoasiainministeriön seminaari, 03.09.2008. Available at: <http://www.paasikivi-seura.fi/37> (accessed: 16.02.2017).
- Seppinen J. *Mahdottomasta mahdollinen. Suomen tie Euroopan Unioniin* (Helsinki, 2001).
- Sevón C. *Visionen om Europa. Svensk neutralitet och europeisk återuppbyggnad 1945–1948*. (Helsinki, 1995).
- Suomi J. *Vonkamies. Urho Kekkonen. 1944–1950* (Helsinki, 1988).
- Viidesti pääministeri. Urho Kekkonen 1950–1956*. Toim. Ari Uino. (Helsinki, 2000).
- Visuri P. *Paasikiven Suomi suurvaltojen puristuksessa. 1944–1947* (Docendo, 2015).
- Visuri P. 'The Making of the Paris Peace Treaty', *From War to Cold War. Anglo-Finnish Relations in the 20th Century*, Ed. by Juhana Aunesluoma (Helsinki, 2005).
- Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz. 1947 god. Part 2* (Moscow, 1952).